

Виктория Руссо

ЧЁРНАЯ МЕДЬ

Легенда преступного мира

Москва, 2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р89

Руссо, Виктория

Р89 Чёрная моль. Легенда преступного мира / Виктория Руссо.
– М. : РИПОЛ классик / T8RUGRAM, 2017. –
256 с.

ISBN 978-5-519-50877-3

Жизнь легенды преступного мира – хозяйки заведения "Очи чёрные", скрывающую своё лицо под вуаль, похожа на жестокий, но красивый роман. Её глаз почти никто не видел, но о ней знал практически каждый. За Чёрной Молью охотились чекисты и до смерти боялись те, кто попадал под её влияние. Неуязвимая, она всё-таки была обречена... Увлекательный роман на основе исторических фактов откроет тайны легендарной преступницы и перенесёт читателя в неповторимую атмосферу начала XX века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
BIC BM
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-50877-3

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2013
© T8RUGRAM,
оформление, 2017

ГЛАВА 1

ПОРТРЕТ НЕЗНАКОМКИ

Мне было четырнадцать, когда мое сознание перевернулось. Я узнал, что расстреляли несколько моих сверстников-гимназистов желающих мстить за убийства их семей. Странное время — тысяча девятьсот девятнадцатый год... Возможно, дело в двух одинаковых цифрах, как утверждала Анна Львовна... Но я уверен, что они тут не причем... Все дело в людях. Они — главное зло на земле. Я тогда еще не знал, что изгнанием из гущи основных событий страны меня «наказала» мать, оградив тем самым от боли и страданий.

Какова была жизнь человека, увезенного прочь от кипящего котла, в котором варились блюдо под названием «новое время» со вкусом крови и слез миллионов людей? Я рос как милый цветок в горшке, рефлекторно реагирующий на заботливое отношение своих попечителей. Мы жили в Крыму, в отдаленной местности, название которой ничего не скажет, потому что, как оказалась, его нет ни на картах и вообще о нем мало кто знает. В зелени среди скалистой местности укрывался небольшой домик, принадлежавший когда-то семье моей настоящей матери (мне долго лгали на этот счет). Ее — а значит и моя — родня отставила этот свет еще в начале века. Они — а значит и я — были лишены всего наожитого имущества. И, как полагаю, потери были велики, потому как дед мой служил при дворе и, мягко говоря, был человеком не бедным. Он был камергером, а этот чин жаловался только самым достойным людям. За что мой родствен-

ник пострадал, а вместе с ним и вся его семья, я не знаю. Слышал, что он стал жертвой интриг, потому как водил дружбу с людьми, неугодными тогдашнему правительству.

— Значит, этого захотел Бог, — кипризно произносила тонким голосочком Анна Львовна. Она приходилась мне теткой по матери. Старая дева давно жила одна и с удовольствием согласилась укрыться от толпы людей, вызывающей у нее смятение и тоску. На самом деле эта женщина была не в себе (так утверждали врачи, как мне доверительно призналась Лукерья, призывая не слушать всю ересь, которую та говорит, ведь я получал домашнее образование и смотрел на мир глазами Анны Львовны). О том, что на самом деле происходило далеко за пределами наших стен, я узнавал из нашептываний Лукеры перед сном, она, словно голубиная почта, связывала меня с «большой землей». Где-то там творили революцию, и это было хорошо... Люди строили новый мир, в котором кто был ничем — тот станет всем! Звучало очень многообещающе... Особенno для Лукеры, которая как заклинание пропевала гимн свободы, особенно выделяя несколько полюбившихся строк:

«Никто не даст нам избавленья:

Ни бог, ни царь и не герой.

Добьемся мы освобожденья

Свою собственной рукой».

Я тоже негромко подмурлыкивал незамысловатый мотив, представляя себя огромным человеком, шагающим по поверхности земного шара, такого же гладкого и круглого, как глобус. А потом

мое мнение о революции изменилось. Я пришел к данному выводу, когда прочитал заметку о погибших мальчишках-гимназистах, среди которых мог быть и я, ведь моя семья тоже пострадала... И я бы тоже мог встать на путь мести, желая восстановить справедливость... И примкнуть к партизанскому движению против большевиков. Правда, наши трагедии разнятся датами: у расстрелянных четырнадцати летних ребят, семьи пострадали в восемнадцатом году, став жертвами мстительной акции за пролитую кровь вождя революции... Особенno меня поразило в этой истории то, что большевики заставили раздеться их донага и вывели на мороз, а после ограбили, растащив одежду... Прочитал я это в нелегальной пожелтевшей газетке, которая случайно послужила оберткой для продуктов, принесенных Лукерьей с рынка. После этого случая мне до смерти стало интересно, что на самом деле происходит за пределами маленького островка «счастья» на который я был сослан против моей воли. Я чувствовал, как во мне просыпается воинствующий коротышка-Наполеон, о котором я знал по рассказам Анны Львовны. Втайне от нее я восхищался этим великим стратегом. Мне захотелось стать победителем какого-нибудь сражения (как минимум того, которое происходило внутри меня).

На мои вопросы нянька Лукерья отвечала домыслами, потому что ориентировалась в политической обстановке по слухам, которые добывала с огромным трудом, как и продукты. Эта смешная пухлая женщина с добрым лицом и заботливы-

ми руками имела свой взгляд на бытие. Еще при царском режиме она отреклась от веры, несмотря на то, что в ее семье глубоко чтили православие. Похоронив всю семью из почти десяти человек, разом вымершую от глупой лихорадки, она осталась совсем одна и пришла к выводу, что Бога не существует, раз он так обошелся с ее близкими. Тот факт, что священное писание призывало страдать и принимать стойко все удары судьбы, Лукерью не вдохновлял. Ссоры на божью тему были не редкостью в нашей маленькой обособленной крепости, можно сказать, что у нас были регулярные революции и в каком-то смысле я тоже переживал отголоски страшных общероссийских событий, о масштабе которых мне еще только предстояло узнать. Набожная Анна Львовна устраивала истерические завывания, проклиная атеизм и призывая молиться с утра до вечера, а скрипучий голос моей няньки в ответ провозглашал, что религия — ересь, которой забили мозги народа, чтобы манипулировать им.

— Попы — лентяи! Им бы глаза закатывать посреди храма, да поучать всех, как надо жить! В поле бы их — на сенокос, рясу в штаны заправить и...

— Да как ты смеешь, Лукерья, озвучивать при мне свои ужасные фантазии! — возмущению Анны Львовны не было предела. — Господь — твой отец! Разве можно отрекаться от родителя?!

— Так, по-вашему, он моей мамке между ног потыкал? — с усмешкой крякнула женщина, заливаясь открытым приятным смехом.

— Да будь ты проклята, болтливая собака! — взвизгнула моя тетка и, вскочив из-за стола, выбежала прочь из столовой. Я сидел за круглым столом и какое-то время смотрел вслед так бурно реагирующей на пошлости женщине. Когда я стал свидетелем этой ссоры, мне было около одиннадцати лет, и я впервые задумался о том, как появляются дети, но задавать вопросы не решался. А Лукерья продолжала вести себя как ни в чем не бывало, обратившись ко мне:

— Что, прохвост, опять не доел кашу? Хочешь, варенья добавлю, пока наша Аннушка не видит?

Я благодарно кивнул. Все-таки эта женщина подслащала мне жизнь. Она много лет была нянькой не только мне, но и самой Анне Львовне, о печальном диагнозе которой не было принято говорить вслух. Примерно раз в сезон у нее были приступы, от которых она мучилась и находилась в болезненной агонии. Одинокая Лукерья согласилась присматривать за странной барышней и маленьким свертком, в котором брахтался я. Моя мать, о существовании которой я не знал до определенного дня, сделала все, чтобы обособить нас троих, укрыть от бед и несчастий. Наверное, она не осознавала, что молодой пытливый ум и жажда новых впечатлений рано или поздно прорвут плотину отчуждения, и я отправлюсь в самостоятельное плавание.

Я всегда держу в памяти образ женщины, бывавшей в нашем доме... Она приезжала к нам не часто, но в эти странные свидания я испытывал жуткое смущение от того, что не знал как себя

вести при ней, особенно в моменты, когда она начинала плакать. Глаза ее намокали сразу, как только я появлялся на пороге того помещения, в котором мы виделись. Мне казалось, что подобная реакция появлялась при виде меня в связи с тем, что с детства я выглядел болезненно.

— Чахоточный! — дразнила меня в детстве толстуха-Лукерья, а потом с тоской добавляла: — Это потому что материнским молоком не вскормленный.

Я не понимал значения этих слов и просто показывал ей язык и корчил страшную гримасу, которой она никогда не видела, ведь мстил я ей, уставившись в ее затылок, потому как опасался наказания.

— Здоров ли ты, Мишенька? — уточняла расстроенная гостья, внимательно разглядывая мое бледное лицо. — Кушаешь? Тебя не обижают?

На все вопросы я отвечал беззвучно, кивая или отрицательно качая головой. Женщина в слезах очень располагала к себе, привозя различные подарки. Еще от нее вкусно пахло — не так, как от окружавших меня Анны Львовны и Лукеры.

В теплое время суток мы сидели в основном на веранде. Там слышен шум моря.

— Здесь когда-нибудь поселится моя душа, — прошептала женщина, с улыбкой глядя вдаль. В тот момент ее озаряло солнце, упывающее дремать за горизонт. Я впервые рассмотрел ее лицо — она была безупречно красива! Природо-художник явно испытывала вдохновение, создавая ее лик! Больше всего завораживали темные